

Константин Мацан

Праздники, которые всегда с тобой

О православных праздниках и святых

Константин Мацан

**Праздники, которые всегда
с тобой. О православных
праздниках и святых**

«Никея»

2015

УДК 242
ББК 86.372

Мацан К. М.

Праздники, которые всегда с тобой. О православных праздниках и святых / К. М. Мацан — «Никея», 2015

Какое отношение церковный календарь имеет лично ко мне, современному человеку, живущему здесь и сейчас? – задается вопросом автор этой книги. В поисках ответа он размышляет о православных праздниках и святых. Семьдесят пять историй рассказывают о крупнейших праздниках с января по декабрь, а также о днях памяти православных подвижников – как широко известных, так и тех, чьи имена звучат нечасто.

УДК 242
ББК 86.372

© Мацан К. М., 2015
© Никея, 2015

Содержание

Дружественным и непосвященным, или Вместо предисловия	5
Часть 1	7
Новый год	7
Святой праведный Иоанн Кронштадтский	10
Великомученица Анастасия Узорешительница	12
Рождество Христово	14
Обрезание Господне	16
Крещение Господне	18
Митрополит Филипп Московский	20
Преподобный Антоний Великий	22
Блаженная Ксения Петербургская	24
Собор новомучеников и исповедников Российских	26
Собор трех святителей – Василия Великого, Григория	28
Богослова, Иоанна Златоуста	
Сретение Господне	30
Иверская икона Божией Матери	32
Святитель Алексий Московский	34
Священномученик Гермоген, Патриарх Московский и всея Руси	36
Преподобный Серафим Вырицкий	38
Благовещение Пресвятой Богородицы	40
Блаженная Матрона Московская	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Константин Мацан

Праздники, которые всегда с тобой.

О православных праздниках и святых

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской
Православной Церкви ИС14-321-2599*

Дружественным и непосвященным, или Вместо предисловия

Моим учителям —

Владимиру Гурболикову, Владимиру Легойде, Ярославу Скворцову

«Книга, которую вы держите в руках, является...» — так принято начинать предисловия. И я мог бы продолжить: «является сборником субъективных журналистских заметок о церковных праздниках и днях памяти святых». Верное по сути, такое начало не объясняет главного. Поэтому проще сказать, чем эта книга *не* является.

Эта книга не сборник богословских трудов, поскольку автор — не богослов. Правда, было бы трудно (да и нелогично) писать на религиозные темы и при этом избегать отсылок к богословию, потому что невозможно говорить о вере в Бога, не упоминая Бога, и о христианстве, не упоминая Христа. Но в книге затронуты лишь базовые вопросы, без которых в разговоре о христианстве не обойтись в принципе.

Также эта книга не сборник статей по истории, поскольку автор — не историк. Но исторические факты в тексте всплывают неизбежно — ведь речь идет о событиях из прошлого. Автор черпал информацию о них из открытых источников и воспринимает исторический контекст как справочный фон.

Итак, эта книга — сборник субъективных журналистских заметок. По закону жанра они строго привязаны к конкретным информационным поводам — церковным праздникам и дням памяти святых. Но это не церковный календарь в собственном смысле слова, где был бы указан каждый день года. Мы — автор и издатели — выбрали «всего лишь» семьдесят пять дат. Их не следует называть самыми важными днями церковного года, иначе получится, будто все остальные неважны. Мы выбрали те даты, которые — будучи собраны все вместе под одной обложкой — могли бы, на наш взгляд, помочь создать портрет православного христианства наиболее глубоко и вместе с тем лаконично.

Выбирали на свой страх и риск:

- красные даты церковного календаря, крупнейшие праздники — само собой, но также и те дни, что содержательно связаны с главным христианским праздником — Пасхой;
- дни поминовения самых известных святых, имена которых на слуху даже у неверующих, но также и тех, чьи имена нечасто звучат в светском пространстве.

Рассказываем об этих именах и датах не только ради того, чтобы они звучали чаще. Дело в том, что они интересны не просто сами по себе: каждый крупный праздник, каждый день памяти святого приоткрывает особую грань православной веры в целом и выражает что-то свое в христианстве как таковом.

И каждый из них рождает в сознании вопрос: какое отношение те или иные события и фигуры, упомянутые в православном календаре, имеют лично ко мне, живущему здесь и сейчас, в культуре, сформированной христианством?

Чтобы вместе с автором посмотреть под таким углом зрения на несколько дней церковного года, надо, по выражению Честертона, встать в позицию «обычного современного человека, не враждебного, не скептического, дружественного и непосвященного».

Таким человеком сознавал себя автор, когда писал эти тексты. Таким читателям мы и адресуем эту книгу.

В предисловиях обычно выражают благодарность. Делаю это и я – но не потому что «так принято». В моем случае и вправду есть люди, без которых не возникла бы идея проекта. Это главный редактор газеты «Культура» Елена Ямпольская и работавший в 2012–2013 годах ее заместителем Михаил Тюренов. Более трети текстов, собранных в этой книге и составивших ее первоначальную основу, были написаны по заданию редакции и публиковались в те же годы в «Культуре». Регулярно рассказывать аудитории светского издания о смысле церковных праздников было, на мой взгляд, сильным редакторским решением руководства газеты: кто-то же должен был напомнить нам всем, что одна из основных функций любого СМИ – просвещать. Я очень благодарен за то, что имел отношение к этой работе.

И конечно же я просто обязан поблагодарить православный журнал «Фома». Я могу смело обращаться со словами признательности к неодушевленному, казалось бы, объекту, потому что для меня журнал «Фома» одушевлен: это мой родной Дом, где я рос и расту до сих пор. Не будь у меня этого Дома – не было бы сейчас этой книги.

Я разрешаю себе надеяться, что в моих субъективных журналистских заметках так или иначе звучит один лейтмотив: вера в Бога – это радость. Возможно, самая большая из всех доступных на земле радостей. Ты можешь в одночасье лишиться всего земного благополучия, но единственное, чего никакие внешние силы никогда не отнимут у тебя против твоего желания, – это Христос в сердце. В этом смысле вера и вправду праздник, который всегда с тобой.

Константин Мацан

Часть 1

От января до декабря

Новый год

1 января. Мимо тренда

«И вроде все в нашем Православии хорошо, – сетовал один мой знакомый, – но вот этого понять не могу: Новый год – в пост. Как так можно? Это же безобразие. Ни в какие ворота».

Мой знакомый говорил спокойно и серьезно. Он напоминал человека, который уже не надеется... Будучи человеком образованным, он не нуждался в объяснениях. Он знал, что причина кроется в юлианском календаре, по которому Рождественский пост длится до 7 января. Он был убежден, что жить по другому календарю – григорианскому, «как католики», – удобнее, ведь Рождество наступает 25 декабря. Он много раз допытывался, почему Русская Православная Церковь не перейдет на григорианский календарь, как некоторые другие Православные Церкви, и много раз ему растолковывали, что дело – в христианской Пасхе, которая, по Евангелию, должна наступать непременно после пасхи иудейской, и по юлианскому календарю так и происходит. Этот аргумент казался ему отговоркой. Ему также много раз говорили, что перейти на новый календарь теоретически возможно и, может быть, когда-то в будущем – кто знает? – это и произойдет. Он заметно приободрялся и спрашивал: «Скоро?» Ему отвечали, что, раз пока этого не происходит, может, есть более насущные «проблемы»? Он расстраивался и сетовал, что Церковь оторвана от жизни простых людей и не хочет, чтобы они просто отдохнули в новогодние праздники. Он видел в этом некую злонамеренность.

Он был значительно старше меня, и мне было неловко с ним спорить. Я не знал, как тактично сказать ему – человеку, сформировавшемуся в СССР, что Новый год – не более чем советский заменитель Рождества. Людям всегда дорого чудо – и много веков рождественский праздник это чудо олицетворял. После революции на месте Рождества возникла пустота, а ожидание ежегодного чуда никуда не делось. Пришлось делегировать полномочия Новому году.

Мне также было неловко изрекать трюизмы о том, что пост не сильно-то мешает празднованию Нового года, если только нет цели напиться. Провести время в компании близких и накрыть, например, «рыбный стол» – едва ли станет нарушением поста. А меру еды и питья, как меру поста в целом, каждый для себя определяет сам.

Но главное, я не осмеливался сказать своему знакомому, что, судя по его словам, он не видит в Православии чего-то очень важного. Да, если когда-нибудь мы перейдем на другой календарь, проблема снимется сама собой, но, пока проблема есть, ее следует воспринимать с благодарностью, поскольку она очень точно раскрывает принципиально важную, с моей точки зрения, вещь: христианство всегда предлагает человеку идти *мимо тренда*.

Суть термина «тренд» удачно сформулировал герой кинофильма «Джентльмены удачи», который произнес знаменитое: «Все побежали, и я побежал». Быть в тренде – значит делать так, «как делают все», «как ныне принято», «как заведено». Этими аргументами мы (иногда незаметно) подкрепляем свои решения – и попадаем в тренд. «Как можно не гульнуть на Новый год?! Это же главный *Новый* год!» То, что в обществе считается привычным, кажется по-человечески естественным.

Но с христианской точки зрения то, «как делают все», «как принято», «как заведено», – далеко не всегда является нормой. Можно идти другим путем – и многие так и делают. *Мудрость мира сего есть безумие пред Богом* (1 Кор. 3: 19), – написал апостол Павел, а самих христиан назвал *безумными ради Христа* (1 Кор. 4: 10). А до этого Сам Христос говорил Понтию

Пилату: *Царство Мое – не от мира сего* (Ин. 18: 36). А вот тренды – как сугубо человеческие придумки – как раз «от мира».

В каком-то смысле христианство возникло как разрушение трендов. Оскорблять в ответ на оскорбление, грубить в ответ на грубость, мстить за обиды – всегда считалось по-человечески естественным, а то и вовсе подавалось как признак силы и независимости. Но Христос предложил нечто из ряда вон выходящее – как для своего времени, так и для нашего: *Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую* (Мф. 5: 39) – это ведь не о мордобое, а об оскорблениях и обидах. Еще один пример: всегда казалось нормальным любить человека за хорошие дела, но не любить за плохие. А с христианской точки зрения нужно разделять человека и его поступок: грех должен быть назван грехом и осужден, но сам оступившийся человек заслуживает любви и сострадания. Главное – нельзя лишать его шанса на исправление. Христианство опять предлагает поступать не так, «как принято».

Спрашивается – зачем? Зачем ограничивать веселие в Новый год? Зачем подставлять левую щеку? Зачем вообще быть «не от мира сего», может быть, мне очень нравится в этом мире?! Ответ: чтобы быть свободным.

Я часто слышал от одного священника: «Нельзя играть по предлагаемым правилам». Если тебя оскорбили и ты пытаешься оскорбить в ответ – значит, тебе успешно навязали правила игры и ты находишься во власти того, кто их навязал; и мстить за обиды – признак не силы и независимости, а слабости и зависимости. Но если тебя оскорбили, а ты промолчал и не оскорбился, ответил человеку не на его языке, а на языке любви – значит, ты остался свободным.

По тому же принципу в Православии работают и все многодневные посты – Великий, Петров, Успенский, и в том числе Рождественский, который так смущал моего знакомого непониманием в график новогоднего похмелья. И мне неловко было ему намекать, что пост – это повод доказать себе: я свободная личность. Я могу отказаться от еды и выпивки. Я властен над ними, а не они надо мной. И пускай вокруг все гуляют, я сам открываю двери развлечениям, когда считаю нужным, а не они приходят ко мне, как к себе домой. Мой праздник наступит тогда, когда я сам решу, и не обязательно он совпадет с тем, когда все будут дружно открывать шампанское и накладывать оливье. Я независим от того, «как принято».

Конечно, в христианстве речь не идет о том, чтобы быть горделивым индивидуалистом, презирать все коллективное и механически принимать решение: мол, я не с ними. Нет, речь о том, чтобы идти за Христом – а это значит совершать все с любовью и рассуждением. Такое поведение неминуемо будет казаться шокирующим, глупым или наивным (вспомните самого «мимо-трендового» персонажа – князя Мышкина в «Идиоте» Достоевского). Но когда это не просто поза, а искренняя вера, идти *мимо тренда* не страшно. Потому что человек чувствует: он не один, он идет особым путем не потому, что это его личная блажь, а потому, что этим же путем шел Христос.

...Всего этого я своему знакомому сказать не посмел. Я надеюсь, когда-нибудь – если мне самому удастся хоть в чем-нибудь пройти *мимо тренда* – мы к этому разговору вернемся.

* * *

Я свободный человек на воле.
Все, чему меня учили в школе, —
Как урвать бы посчастливей случай.
Жаль, что быть собой никто не учит.

Я свободный человек на крыше.
У меня в друзьях – коты и мыши,
Вместе олигархи – и пираты,
Люди без долгов – и без зарплаты.

Я свободный человек за дверью,
Ведь меня не пригласили к драке.
Только в знаки эти я не верю —
Верю в Бога, что послал нам знаки.

Мне повезло, и не с руки,
Благодаря и вопреки
Я сам себе – своя легенда.
И шаг вперед – как разворот,
И мимо слов, и мимо нот,
И, слава Богу, мимо тренда.

К. М.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

2 января. Небедный святой?

«...Нет, вы представляете – на вокзале его встречает отдельный экипаж под охраной жандармов! Да этот поп – просто какой-то чиновник в рясе! Вход на богослужения по специальным приглашениям – можно только мечтать к нему попасть. Через его руки в год проходит до миллиона рублей, понятно, откуда у него личный пароход!»

Думаете, это сегодняшний блогер пишет о Церкви? Нет, примерно так выглядели памфлеты 1890-х о протоиерее Иоанне Сергиеве, более известном как Иоанн Кронштадтский, ныне прославленном святом праведнике.

Но написанное в подобных памфлетах – не такое уж вранье. Как и полагается, ложь тонко вкраплена в ткань правды. И лживы в данном случае оценка и подача. Встречали ли отца Иоанна на вокзале жандармы во время его ежедневных приездов из Кронштадта в Санкт-Петербург? Наверняка встречали. С семидесятых годов XIX века святой Иоанн – известный на всю Россию чудотворец, по молитвам которого исцелялись многие люди. И ревностные не по разуму почитатели батюшки, ежедневно поджидавшие отца Иоанна на вокзале, могли в буквальном смысле слова разорвать его одежды – такое, по свидетельству очевидцев, реально случалось. Были ли специальные приглашения на богослужения отца Иоанна в Санкт-Петербурге? Наверняка. Потому что любой храм – это физически ограниченное пространство. А желающих попасть на богослужение кронштадтского пастыря – невероятно много.

Все это правда. Но правда и то, что в юности священник Иоанн был направлен служить в беднейшее место – городок Кронштадт. Долгие годы батюшка все свои силы бросал на попечение о бездомных, больных и просто опустившихся людях. Он отдавал им свои последние деньги, а если денег не оставалось – одежду и обувь, возвращаясь домой налегке и босиком. Говорят, было время, когда жалование отца Иоанна выдавали его жене – поскольку сам он моментально все раздавал.

Правда и то, что, уже будучи настоятелем Андреевского собора в Кронштадте и известным на всю Россию пастырем, он мог исповедовать людей круглыми сутками – чтобы все пять тысяч человек, которых вмещал собор, могли попасть к нему на исповедь. По свидетельству очевидцев, свои частые поездки в Санкт-Петербург и по всей стране Иоанн Кронштадтский совершал по приглашению конкретных людей, которые нуждались в его помощи и молитве. Как правило, речь шла об исцелении тяжелобольных. Батюшка вынужден был завести нескольких секретарей, которые разбирали его письма. Самые срочные – с просьбой о молитве – ему приносили прямо в алтарь во время богослужений, и он начинал молиться тут же.

О чем-то забыли? Ах да, тысячи рублей, которые ему жертвовали. Отец Иоанн их не считал. Деньги тут же отправляли на помощь другим людям. Он не заглядывал в конверты и не интересовался суммой – просто отдавал все сразу. Хрестоматийная история: однажды при большом стечении народа батюшка получил из рук купца конверт – и тут же передал его в протянутую руку бедняка. Купец воскликнул: «Батюшка, да там тысяча рублей!» А Иоанн Кронштадтский тихо ответил: «Его счастье». Кронштадтскому пастырю делали и личные подарки, которые он принимал, не желая обидеть дарившего. Например, как-то ему преподнесли дорогую шелковую рясу. И он носил ее. А что с ней еще делать? Бедным она ничем не поможет.

Очень легко упрекать в несовершенстве современных священников за поведение, не вполне соответствующее нашим стереотипам. Но точно такие же упреки сыпались и в адрес отца Иоанна. Сейчас – спустя столетие после его земной кончины – он для нас святой. Ему молятся, и по его молитвам творятся чудеса. И кто знает, быть может, через сто лет кто-то из наших современников будет прославлен в лике святых. Несмотря на то, на какой машине

ездил и где жил. Так часто бывает: внимание стопорится на внешних признаках и не получается увидеть главное – внутреннее. А ведь духовная жизнь – всегда внутри человека.

Святой Иоанн Кронштадтский оставил нам возможность узнать, что творилось в его душе. Всю жизнь он вел дневник, который после его смерти был опубликован под названием «Моя жизнь во Христе». Это главное письменное произведение отца Иоанна. А то, что эти короткие заметки он писал не для публикации, – лучшее доказательство искренности написанного. Видно, как слава тяготила его. И самоуничижение, и покаянное чувство – все это выглядит нелицемерно, потому что выражено наедине с самим собой. Нет смысла приводить здесь цитаты. Просто откройте и прочитайте. И уже на первых страницах столкнетесь с тем, что зацепит и перевернет лично вас.

* * *

Отец N. водил разваливающуюся «Волгу», пока один прихожанин не подарил ему свою «старую» машину (ей было три года) – красивый джип цвета мокрого асфальта.

– Батюшка, это нескромно... – намекнул кто-то из знакомых.

Батюшка понимающе кивнул:

– Когда у меня будут свои деньги, я обязательно куплю себе скромную машину. А пока приходится ездить на том, что дают.

Великомученица Анастасия Узорешительница 4 января. Любовь не бывает избирательной

Священники и волонтеры, которые приходят в тюрьмы поддержать узников, не разделяют их на тех, кто осужден заслуженно, и тех, кто осужден несправедливо. Благотворительные организации готовы помочь каждому, кто оказался в заключении. Что это – неразборчивость? По-своему да, но неразборчивость, очень характерная для христианства. Христианская любовь не может быть избирательной: дескать, этот достоин, а тот – нет. Иначе это уже не христианская любовь. Провозгласить ее – просто, принять – сложнее, а исполнить – и вовсе почти невозможно, казалось бы. И все же в истории Церкви есть святая, которая всей своей жизнью засвидетельствовала, что ничего невозможного нет. Ее зовут Анастасия Узорешительница.

Святая Анастасия посещала узников-христиан в темницах. В III веке нашей эры в Римской империи при императоре Диоклетиане таких людей было немало. Анастасия кормила их, умывала, помогала больным, неспособным двигаться, перевязывала раны. Она старалась сохранить все это в тайне. Не потому что было опасно – тут ее ничто не смущало, и позже на допросе у императора Диоклетиана она спокойно расскажет о том, как истратила на помощь узникам все свое состояние. Смысл тайны заключался в другом – не выставлять добрые дела напоказ. Святая Анастасия скрывала свое знатное происхождение (а отец ее был сенатором) и одевалась в ветхие одежды, притворяясь нищенкой.

О подвиге святой Анастасии люди узнавали без ее участия – просто те, кто видел ее служение, были настолько поражены, что не могли молчать. В III веке ее дела казались гораздо более странными, чем могло бы показаться в наши дни. Ведь сегодня за плечами у человечества – две тысячи лет христианской истории и культуры, а тогда в римском обществе христиан воспринимали как маргиналов, сектантов и возмутителей спокойствия. Зачем утешать их в тюрьмах? Но святая Анастасия не испугалась. И от нее тянется ниточка сквозь несколько веков до самых наших дней – до сегодняшних благотворительных организаций. Такую связь поколений в христианстве называют традицией – непрекращающейся преемственностью идей и поступков. Связь эту апостол Павел сформулировал так: *Иисус Христос вчера, сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13: 8). Заповедь Христа о любви – вне времени. Она не обусловлена эпохой или общественным строем. Она может одинаково давать плоды как в III, так и в XXI веке. Просто для каждой эпохи у этой традиции есть особые формы выражения. Когда-то святая Анастасия Узорешительница в обличье нищенки приходила к узникам-христианам. Сегодня волонтеры – независимо от своих религиозных убеждений – готовы протянуть руку помощи узнику, независимо от его религиозных убеждений. Опять-таки: христианство принесло в мир идею о том, что настоящая любовь не бывает избирательной.

В нашей стране есть организации и священники-энтузиасты (хотя и не в избытке), которые помогают узникам. На всех страждущих их конечно же не хватает и, вероятно, не хватит никогда, но каждый на своем месте сворачивает горы, если не творит ежедневное маленькое чудо. В церковной среде хорошо известны имена ныне покойных священников Глеба Каледы и Федора Соколова – они были первыми, кто в начале девяностых годов возродил в Русской Православной Церкви идею тюремного служения, и сами стали посещать узников. «Зачем?» – на этот вопрос их последователи, нынешние тюремные священники и волонтеры, отвечают просто: «Они читали Евангелие и шли туда, где труднее...» А в Евангелии есть слова Христа: *В темнице был, и вы пришли ко Мне* (Мф. 25: 36). И в них содержится исчерпывающий ответ на вопрос: «Зачем заниматься тюремным служением?» Так заповедовал Христос. Это не красивая поза и не высокая мораль. Это действительность. Это жизнь. Должно быть, именно так ответила на допросе у императора Диоклетиана святая Анастасия Узорешительница. Ее каз-

нили, растянув над костром между четырьмя столбами. По преданию, тело святой Анастасии осталось невредимым.

«Преступлением» святой Анастасии была не попытка утешить узников, а вера во Христа, ради которой она делала то, чего не могла не делать. И все же к узникам, а не, скажем, к старикам или детям святая Анастасия шла неслучайно, как неслучайно и сегодня многие волонтеры идут именно к осужденным. Таков парадокс христианского отношения к человеку: тот, кто с виду меньше всех достоин любви, как правило, больше всех в ней нуждается.

* * *

Наталия Леонидовна Высоцкая, руководитель общества милосердия в тюрьмах «Вера, Надежда, Любовь», посвятила тюремному служению едва ли не полжизни. Она рассказывала:

– Мне седьмой десяток пошел, я для осужденных уже как мама или бабушка. Но каких трудов стоило обрести этот «статус»! Сейчас могу сесть рядом с каждым из них, потрепать по голове, а то и легонько по затылку дать, в шутку, конечно. И они спокойноотреагируют. Но когда двадцать лет назад мы только начинали ходить в тюрьмы, на такой контакт я не рассчитывала – это было бы неправильно истолковано: заключенные видели во мне женщину, и это очень мешало. Я тогда горячо молилась, чтобы Господь меня поскорее состарил, и за несколько лет полностью поседела. И когда впервые в тюрьме мне сказали «бабуля», полегчало...¹

Напрасно я, повинувшись журналистскому долгу, допытывался:

– Наталия Леонидовна, и все-таки. Что дает тюремное служение вам самой? Какой внутренней перемены это требует?

Наталия Леонидовна смотрела на меня, как добрый учитель на несмышленного ученика:

– А ты приходи к нам волонтером – и сразу все твои вопросы отпадут сами собой.

¹ Высоцкая Н. Вместо заключения // «Фома». № 4. 2010.

Рождество Христово

7 января. Кем бы мы были без Рождества?

Думаю, я, как и многие, по-своему приучен помнить о Рождестве – полотнами Эль Греко, повестями Диккенса, стихами Пастернака. В каком-то смысле я к Рождеству даже привык, что логично: западная (в широком смысле слова) цивилизация исторически сформирована христианством; оно вроде и так везде – так зачем на него еще обращать внимание? Но большое видится на расстоянии, и, чтобы самому себе напомнить, какого масштаба событие произошло две тысячи лет назад в Вифлеемской пещере, можно просто представить, а каким был бы мир вокруг меня без Рождества, то есть без христианства?

Скорее всего, я бы мало что знал о правах человека. Ведь появление самой идеи этих прав подготовлено христианством. Как? В эпоху Просвещения философы сформулировали так называемую теорию естественного права: она предполагала, что права человека – явление столь же объективное, как законы природы. Невозможно отменить ускорение свободного падения – точно так же невозможно отменить права человека. Но теория эта возникла не на пустом месте. Любопытно: как так получилось, что сама по себе идея прав человека однажды впервые пришла в голову какому-то мыслителю – причем мыслителю именно европейскому, а не индийскому, например, или китайскому? Дело в том, что этот европейский мыслитель, несомненно, читал Библию – то есть жил с установкой, что человек, во-первых, сотворен Богом, а во-вторых, от сотворения наделен свободной волей – и, значит, правом совершать выбор. Это видно уже на примере первых людей – Адама и Евы: если бы у них не было свободы и права выбора, их было бы бессмысленно искушать – они не могли бы нарушить установление и вкушать плод с запретного древа познания добра и зла.

Далее мыслитель, задумавшийся о правах человека, в какой-то момент приходит к пониманию, что все люди – равны. И это снова подсказано христианством, где все равны перед Богом. Не по своим дарованиям или социальному положению, но равноправны как творения перед своим Творцом. Как брат с сестрой перед своими родителями – в русле христианской идеи Бога как Отца. Неслучайно главная христианская молитва, преподанная людям Самим Христом, начинается словами: «Отче наш...»

Все эти идеи – свобода личности и равноправие людей – справедливо считаются главными завоеваниями демократии. Но они едва ли могли созреть, например, в китайской религиозно-философской системе (где человек – не образ и подобие Божие, а лишь один из элементов природы, «не больше конского волоса», и значит, зачем ему особые права?) или в индуистско-буддистской культуре (где не знают Бога-Личности, перед Которым все люди могли бы быть равны).

Там, где каждый – образ Божий, человеческая личность – ценность исключительная. Любой из нас – венец творения. А значит, нет деления на тех, кто более достоин любви, и тех, кто достоин ее меньше. Без этой христианской интуиции – кто знает – были бы сегодня приюты для детей-инвалидов? Собирали бы благотворительные фонды миллионные пожертвования на лечение одной-единственной девочки из городка N.? Существовали ли бы центры реабилитации наркоманов? Ездили бы волонтерские службы зимними ночами по вокзалам кормить и лечить бездомных? Речь конечно же не о том, что везде, где исторически не было христианства, жили злые и бездушные люди. Просто то, что сегодня на любом континенте глобализованного мира выглядит очевидным – помощь ближнему, – когда-то нужно было утвердить как фундаментальный закон жизни. И сделали это те, кто поверил, что в Вифлеемской пещере родился Богочеловек Иисус Христос.

Христианство – религия воплощения. Пресвятая Дева Мария родила Сына Божия – на землю пришел Бог, ставший Человеком. Когда святого Афанасия Великого спросили, зачем

все это произошло, он в одной фразе сформулировал для грядущих поколений суть христианства: «Божие Слово вочеловечилось, чтобы мы обожились». Иными словами: «Бог стал Человеком, чтобы человек стал Богом». Как это понимать? Любой смертный человек, честно заглянув внутрь себя, может почувствовать, что на самом деле противится своей смерти и втайне надеется, что в силу неких, пока неясных обстоятельств ее как бы не случится. Христианство дает свой ответ на эту надежду о преодолении смерти – воскреснуть вслед за Христом. Для этого Он и воплотился. Факт боговоплощения – то есть Рождество Христово – дает такую перспективу жизни после смерти. А это в каком-то смысле важнее прав человека и даже бесплатных больниц.

* * *

Список изменений, произошедших в мире после (и впоследствии) Пришествия Спасителя, конечно, гораздо длиннее. Но это – то, что христианство принесло в культуру. Главное, конечно, в другом. Все эти перемены – следствия одного принципиального и самого важного изменения: обычный человек, созданный Богом для пребывания в любви и эту любовь растерявший, получает возможность снова ее обрести. И обратиться к Богу напрямую – как когда-то в Эдемском саду. И услышать ответ...²
Владимир Легойда

² Легойда В. Без сослагательного наклонения // «Фома». № 1. 2013.

Обрезание Господне 14 января. Праздник во плоти

Вряд ли вы часто слышите, как один православный говорит другому: «С Обрезанием Господним!» Действительно, с этим праздником широко не поздравляют. Видимо, слишком уж пикантной кажется современному человеку тема обрезания крайней плоти Младенца Христа. Чаще в этот день слышишь поздравления со Старым Новым годом – дата совпадает.

И все же праздник Обрезания Господня христиане отмечают с IV века. До сих пор он никуда не делся из церковного календаря. И если посмотреть внимательно, смысл праздника – это напоминание не просто о физическом акте, совершенном над Младенцем, а о том, ради чего этот акт был совершен.

По иудейскому обычаю того времени на восьмой день после рождения мальчиков обрезали. Обряд обрезания стал символом исполнения завета Бога с прародителем людей Авраамом. И Христос неукоснительно исполняет иудейский закон – следует предписанию Ветхого Завета. Потом Он скажет: *Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить...* (Мф. 5: 17) Но вот что любопытно: христианская религия далеко не во всем наследует иудейской. И как раз обряда обрезания в христианстве нет: введение младенцев в Церковь осуществляется по-другому – через Таинство Крещения. Зачем же основатель христианства проходит через обрезание (об этом сказано в Евангелии, где ничто не упоминается случайно), а Церковь столетиями отмечает это событие как праздник?

Обрезание Господне в каком-то смысле напоминает о характере отношений между Богом и человеком. Эти отношения основаны на завете – на договоре. Однокоренное слово – «завещание»: оно получено от Небесного Отца всеми Его детьми. Это тонкая и принципиально важная – если угодно, психологическая – грань. После Пришествия в мир Христа это уже не Ветхий, но Новый Завет, сформированный заповедями Спасителя, Его жизнью, смертью на Кресте и Воскресением. В центре нового заветания отныне не исполнение религиозного закона, а Сам Христос: *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14: 6) – и попытка человека всей своей жизнью Ему уподобиться. Неслучайно по иудейскому обычаю именно при Обрезании Младенец получил Свое имя – Иисус, что означает Спаситель мира. А само обрезание в христианской традиции в дальнейшем будет восприниматься символически. Апостол Павел пишет в Послании к Колоссянам³, что христиане *обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым* (Кол. 2: 11).

Но есть и еще один странный момент. Иудейский обычай обрезать младенцев так или иначе был связан с ритуальным очищением от греха. Но от чего было очищаться Младенцу Христу – Сыну Божию, Который безгрешен по определению? В этом смысле праздник Обрезания еще раз подчеркивает то, что Христос был Человеком из плоти и крови. Таким же, как мы, во всем, кроме греха. Бог пришел на землю – и воспринял человеческую природу во всей полноте. Воплотился. Очевидная, казалось бы, вещь, фундаментальная для христианства – религии воплощения. Но видимо, как раз в силу очевидности на нее порой не слишком обращают внимание – оно и понятно: на фундамент вообще редко смотрят. А ведь это очень важно: смысловой центр христианства – это идея спасения. Христос тем и совершает его, что становится Человеком – обожествляет Собой человеческую природу, умирает на Кресте и воскресает. А значит – отныне человек может преодолевать смерть. Отныне и человеку открыта вечность.

³ Колоссяне – жители города Колоссы, расположенного в одной из римских провинций Малой Азии.

* * *

– В адрес Толкина и других писателей фэнтези звучат обвинения в том, что они своим творчеством подстегнули интерес не к христианству, а к магизму...

– Винить Толкина в подъеме пласта магического – неправильно. Вообще говоря, самый большой повод для интереса к магии в мировой истории дало Воплощение, потому что плоть оказалась причастна Богу. Так что же, не стоило этому происходить?⁴

Переводчик Николай Энгле

⁴ Энгле Н. Хоббит: Стихи и притчи Средиземья // «Фома». № 1. 2013.

Крещение Господне 19 января. Первая встреча

«Для чего нужно креститься? Неужели нельзя просто верить в Бога?» Так или примерно так некоторые выражают сомнение по поводу Таинства Крещения. Лучше всего на эти сомнения отвечает Сам основатель христианства – и суть ответа отражает праздник Крещения Господня.

Нетрудно представить себе шок, который в тот день испытал святой Иоанн Креститель. Пророк и аскет к тому моменту уже давно предсказал приход Христа. Неслучайно в православной традиции утвердилось еще и второе имя святого Иоанна – Предтеча, то есть предшественник. При этом сам святой Иоанн четко знал свое место и напоминал, что он – «всего лишь» пророк, а Тот, Кому суждено прийти после него, – Мессия, Спаситель.

Иоанн Креститель *проходил по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя Крещение покаяния для прощения грехов* (Лк. 3: 3). При Крещении он погружал человека в воду – как символ очищения. В народе даже думали, не Мессия ли сам Иоанн? Но о грядущем Спасителе он говорил: *Я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня, у Которого я недостойн развязать ремень обуви; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем* (Лк. 3: 16). И вот этот «Сильнейший» – то есть Сам Христос, Который, согласно Евангелию, был тогда *лет тридцати* (Лк. 3: 23), – приходит к реке Иордан, где в это время Иоанн крестит народ. Иоанн шестым чувством, как принято говорить, понял, что перед ним Христос, и сказал: *Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира. Сей есть, о Котором я сказал: за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня. Я не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю...* (Ин. 1: 29–31)

Иоанн как бы предполагает, что теперь-то, после прихода Христа, символическое крещение в воде больше не актуально – теперь уже ничего символического вообще не нужно, ведь перед человеком стоит Сам воплотившийся Сын Божий. Но что на это отвечает Христос? Оказывается, Он Сам пришел как раз для того, чтоб принять крещение от Иоанна. Креститель в глубочайшем смущении: *Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? В ответ звучат принципиально важные слова Спасителя: Так надлежит нам исполнить всякую правду* (Мф. 3: 14). Эти слова – самый точный ответ тем, кто сомневается, для чего принимать крещение, пускай даже эти сомнения совсем не похожи на сомнения святого Иоанна Крестителя.

Тот, кто «просто верит в Бога», рано или поздно вынужден будет определиться, в какого Бога он верит? Что это за Бог? Откуда люди о Нем знают? На чем основаны отношения с Ним? Что Он заповедал? И если этот Бог – Святая Троица, Второе Лицо Которой – Сын Божий Иисус Христос, то было бы странно не поступать так, как поступал Он Сам. А Он, безгрешный, хотя и не нуждался в земном очищении, все равно принял крещение. И в этот момент, как говорит Евангелие, *отверзлось небо, и Дух Святый нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!* (Лк. 3: 21–22) Именно поэтому второе название праздника Крещения Господня – Богоявление. Через крещение пророка Иоанна иудейскому народу (а через Церковь и всем нам) является Сам Господь. И символическое омовение в воде становится духовным – то есть полностью реальным. Такого любое церковное Таинство – настоящая, переживаемая человеком встреча с Богом, которая неизъяснима, поскольку по природе своей – тайна.

Именно таково и Таинство Крещения – ведь с этой встречи начинаются отношения Христа и любого человека.

Точно так же, как две тысячи лет назад начались отношения с Ним всего человечества.

* * *

Если бы я сам выстраивал свою жизнь по собственному плану, то она вся бы состояла из ужасных ошибок. Сейчас мне это видно. Но Господь все время поправлял и перестраивал мою жизнь, иногда незримым, иногда очевидным образом. Сейчас я вижу, что все сложилось так, что лучше и быть не могло...

Александр Солженицын

Митрополит Филипп Московский

22 января. Святой, сказавший государству правду

История святого, казненного Иваном Грозным, по-своему раскрывает суть взаимоотношений Церкви и светской власти. И указывает на главный нерв в этих отношениях.

В нашей книге есть еще один рассказ на эту тему – о святителе Алексие Московском⁵, где, в частности, сказано, что Церковь поддерживает законного правителя не за конкретные политические качества, а просто как компромиссную фигуру, чье свержение грозило бы братоубийственной гражданской войной. Вот цитата из того рассказа: «Церковный лидер, по большому счету, может поддержать как “технического руководителя” почти любого правителя (за исключением откровенно богоборческого и человеконенавистнического)...» Пример того, как крупный церковный иерарх открыто выступает против именно такой человеконенавистнической власти, и есть история митрополита Филиппа Московского.

Историки говорят, что причина, по которой игумен Соловецкого монастыря Филипп был призван Иваном Грозным в Москву для митрополичьего служения, – это весьма своеобразная религиозность царя. Свой опричный двор в Александровской слободе он превратил в пародию на монастырь. «Монахами» были сами опричники, распорядок дня включал длительные богослужения, царь звонил в колокола, а на трапезах читали вслух жития святых, как это принято в настоящих монастырях. «Набожность» странная, но в понимании царя его деяния, очевидно, требовали благословения достойного епископа. В том, что игумен Соловецкого монастыря Филипп – фигура во всех смыслах достойная, сомневаться не приходилось. Его служение на Соловках выдвинуло монастырь в число самых деятельных в России. Чего стоила одна только инфраструктура, самая современная для своей эпохи, которую оставил после себя митрополит Филипп: сеть каналов между озерами, мельницы и т. д. Сегодня митрополита Филиппа называли бы инноватором. Но главное – для этого человека подлинной мерой всех вещей было Евангелие. И царь в своих ожиданиях относительно будущего московского митрополита ошибся.

Опричнину святой Филипп не принял и осудил сразу же – еще до возведения на митрополичий трон. Есть даже сведения, что будущий епископ должен был заранее подписать грамоту, что не станет вмешиваться в дела опричнины, а взамен ему дали устное обещание позволять заступаться за отдельных жертв. Будущий митрополит Филипп принял эти условия. Сам факт такого «соглашения» свидетельствует о том, что неприятие опричнины соловецким игуменом ни для кого не было секретом. Вопрос, почему же Филипп все же согласился, до сих пор открыт. Один из самых правдоподобных ответов, думаю, таков: он верил в силу христианского слова. И именно здесь, в столице, в гуще событий и в непосредственном общении с царем, у него был шанс уговорить правителя отказаться от террора в отношении своего же народа.

Однако чуда не произошло. Иван Грозный не услышал митрополита, которого сам же пригласил в Москву. И более того, вероятно, был немало удивлен, что тот, кого он лично облагодетельствовал, вдруг начал открыто и жестко царя критиковать. 22 марта 1568 года во время богослужения митрополит Филипп обратился к Ивану Грозному с проповедью: «В самых неверных, языческих царствах есть закон и правда, есть милосердие к людям – а в России нет их! Достояние и жизнь граждан не имеют защиты. Везде грабежи, везде убийства, и совершаются именем царским!» За достоверность этих слов историки не ручаются. Есть версия, что за митрополита Филиппа эти слова произнес Николай Карамзин, но главный нерв взаимоотношений Церкви и власти здесь точно задет. Одна из составляющих миссии Церкви – доносить Божию правду до людей, в том числе – до сильных мира сего. Это означает одну

⁵ См. с. 64–66.

простую вещь: честно указать, насколько все происходящее сочетается с Евангелием. Именно с Евангелием, а даже не с мнением конкретного епископа, каким бы достойным и духовным он ни был. Например, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл так высказался в своей проповеди в Пюхтицком монастыре, в Эстонии, 15 июня 2013 года: «...Подобно Христу, мы, Церковь, не свои слова произносим, не от своей собственной мудрости, и Патриарх вам говорит не от самого себя и не на себя ссылается, а на Господа, на Слово Божие, хранимое в Церкви. Как бы ни оправдывали грех ссылками. на какие-то “правильные” формы политического устройства, мы все равно говорим и будем говорить, что грех – это грех, вызывая на себя огонь, вызывая критику, вызывая на борьбу с нами людей могущественных.»

Именно так и поступил святитель Филипп – и вызвал на себя огонь, и гнев, и ненависть самого могущественного человека в государстве. Иван Грозный устроил над ним суд, после чего отправил в Отроч монастырь в Твери, где 23 декабря 1569 года святитель Филипп Московский был убит – есть версия, что по личному распоряжению царя его задушил опричник Малюта Скуратов.

Подвиг митрополита Филиппа – не частный случай одного святого. Это очень важный аспект христианской веры вообще. Молчать перед лицом человеконенавистничества не вправе не только епископ, но и просто любой человек, считающий себя христианином.

* * *

...Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении...

Из «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви»

Преподобный Антоний Великий

30 января. Один, но не в одиночестве

В монастырь не уходят, туда приходят. Это утверждение можно было бы считать провокационным на фоне сложившегося в народе стереотипа о том, будто люди бегут в монастырь от огорчения – например, после несчастной любви – и скрываются от злого мира в монашеской келье, как в бункере. Этот стереотип разбивают своим примером тысячи современных монахов. Они и вправду ушли от мира – но в другом смысле. В каком – по-своему отвечает основатель отшельнического монашества преподобный Антоний Великий.

«Убежать от мира» он попытался еще на рубеже III–IV веков. Житель современного мегаполиса наверняка ясно представляет, почему человеку хочется укрыться от бешеного ритма цивилизации сегодня – от звонков мобильных телефонов, новостных поводов, лавин ненужной информации из соцсетей... Но от чего было «убегать» жителю Египта первых веков христианства? Ответить «не от чего» – значит признать бессмысленным поступок святого, которого Церковь называет Великим. А ответить положительно – не получится. И в этом, пожалуй, исчерпывающий ответ. Потому что правильной было бы спросить не «от чего убежать?», а «ради чего?».

Ради жизни во Христе, если коротко. По нынешним временам это может показаться общими словами. Потому что сегодня само понятие «православный христианин» применимо и к тому, кто каждую неделю исповедуется, и к тому, кто в первый и последний раз заходил в храм в детстве, когда крестили... Это не хорошо и не плохо, это факт – такова эпоха. Но эпоха святого Антония была другой. Только представьте: IV век, Христос ходил по земле «всего лишь» двести пятьдесят – триста лет назад. Те, кто все это время принимал христианство, были необычайно мотивированы, горели верой, принимали ее, несмотря на чудовищные гонения, которые – это было совершенно ясно – их неминуемо ждали. Для тех, кто крестился, вера была всем. Едва ли кто-нибудь решился креститься из любопытства, за компанию или по настоянию девушки. Такой подход не мог сложиться в тех культурных условиях. Людей, которые массово размышляли бы в таких категориях, просто не существовало.

И вдруг они стали появляться. Это не значит, что такие люди приходили к христианству неискренне. Просто культурные условия изменились. В 313 году римский император Константин издал Миланский эдикт, запрещающий гонения. Христианство стало разрешенной религией. И те, кто раньше боялся креститься, вероятно, осмелели. А те, кто даже не думал, открыли для себя новую веру. Постепенно христиан в мире становилось все больше и больше. Само по себе это не могло не радовать. Но у подобных процессов всегда есть одна – чисто социологическая – особенность: чем больше количество, тем ниже средние показатели. Христианство проникало в массовый быт – и неизбежно упрощалось, в чем-то теряя остроту и нерв. Общий духовно-нравственный уровень христиан неминуемо снижался – не радикально, конечно же, но ощутимо для тех, кто готов был вере во Христа посвятить всего себя без остатка. На общем фоне их было – как и сейчас – немного. Они искали новые формы жизни по-христиански, где острота веры не затухала бы, а, наоборот, расцветала. Им требовалось уединение – и они уходили в пустыню. Так в истории христианства появилось монашество. Монахи не убегали от мира, как если бы он их чем-то обидел; они убегали, чтобы построить свой собственный мир, где главным и единственным был бы Христос. Этот мир оказывался совсем иным. И человек в нем становился тоже иным – иноком, как позже на Руси станут называть православных монахов.

Святой Антоний считается основоположником одной из форм монашества – отшельничества. Как повествует житие, однажды на богослужении его, еще довольно молодого человека, вдруг по-настоящему «зацепили» евангельские слова Христа: *Если хочешь быть совершенным,*

пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною (Мф. 19: 21). Он поступил ровно так, как велел Спаситель. Продал вполне успешный «бизнес» – огромную финиковую плантацию, вырученные деньги раздал нищим, а сам удалился в пустыню, где всю жизнь молился в пещере. Постепенно вокруг него стал образовываться кружок учеников – многие были восхищены его подвигом. А главное, они действительно видели пример, как всего себя посвятить Христу.

И в этом кроется еще один очень важный момент, связанный с подвигом святого Антония. Христиане уходили в пустыню и до него. Но то были в основном монахи-одиночки – и они могли оказаться в изоляции не только от мира, но и в каком-то смысле от Церкви. А в такой ситуации бывает легко впасть в искушение, противопоставить себя Церкви: мол, только здесь, в пустыне, можно быть христианином, а попытки людей в миру – тщетны. Но ученики святого Антония – благодаря учителю – мыслили иначе: они жили отдельно друг от друга, но общий духовный наставник их объединял и не давал отколоться от Церкви как большой христианской семьи. Опыт святого Антония подчеркивает, что в этой семье нет табели о рангах. Простые миряне не меньше угодны Богу, чем монахи. Монахи – не меньше, чем епископы. Епископы – не меньше, чем простые миряне... Это разные пути и возможности жизни во Христе, Который для всех *вчера, сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13: 8).

* * *

Говорят, это произошло с преподобным Антонием. Его спросили:

– Как бы вы поступили, если бы увидели, что монах заснул во время общей молитвы?

– Мы различаем грех и грешника, пусть брат не прав, ему все равно нужна наша любовь.

Поэтому я бы подошел и тихонько покрыл его голову, чтобы ему лучше спалось.

Блаженная Ксения Петербургская 6 февраля. Христа ради сумасшедшая

Вообще-то история жуткая... Первая половина XVIII века. Девушка Ксения из приличной семьи выходит замуж по любви. Но тут супруг – хороший человек, придворный певчий, полковник Андрей Федорович Петров – скоропостижно умирает. Молодая вдова (двадцать шесть лет) сходит с ума от горя.

«Сходит с ума» в данном случае – не метафора. Так, по крайней мере, полагают окружающие. Оно и понятно: Ксения творит что-то странное. Решает раздать все свое имущество бедным, дом в Санкт-Петербурге подарить подруге, накопленные деньги отнести в Церковь, жить на улице, питаться от подаяний. Родственники (особенно со стороны мужа) в шоке и даже обращаются к начальству покойного Андрея Федоровича с просьбой запретить несчастной, лишившейся рассудка Ксении распоряжаться имуществом. Сегодня это назвали бы – «признать недееспособной». Но к удивлению всех, начальники, пообщавшись с вдовой, сочли, что она вполне здорова и вменяема, с рассудком все в порядке. Ксения продолжила выполнять задуманное.

Зачем все это? Зачем ходить в тряпье? Голодать? Калечить себя физически, проводя ночи на морозе? Да, умер супруг, но ты-то сама еще жива! Так ради чего ломать свою жизнь? У блаженной Ксении Петербургской был один ответ: ради Христа. Неслучайно у слова «юродивый» есть синоним, который часто используют в православной литературе: «Христа ради сумасшедший». Но казалось бы, неужели Христу все это надо? Неужели Бог хочет, чтобы человек ради Него мучился, страдал и перестал нормально жить? Именно на этот вопрос всей своей жизнью ответила блаженная Ксения Петербургская.

Французский богослов Жан-Клод Ларше так описал логику юродивых: «Вести такой образ жизни нужно в первую очередь самим юродивым, для них это сугубо персональная форма аскезы. Юродивые вели себя как безумные и тем самым навлекали на себя презрение и насмешки со стороны окружающих, которые их оскорбляли и даже избивали. Все это они выносили терпеливо и кротко, без тени ненависти, не проявляли ответной агрессии и не были злопамятными. Наоборот, они были признательны своим обидчикам, тем больше их любили и молились о них»⁶.

Видимо, ошибались те, кто посчитал, будто несчастная Ксения обезумела из-за смерти мужа. Блаженная Ксения не сошла с ума, она, скорее всего, почувствовала, что теперь – после кончины супруга – все земное потеряло смысл. И оказалось, что кроме земного в мире есть еще и небесное, и это – все, что у нее осталось. А значит, теперь она посвятит всю себя Богу – вплоть до забвения своего тела, отказа от своего имени, отречения от своего «я». Это и есть юродство. Такое случается в христианстве: человека толкает к подвигу душевный шок.

Может, от того нам и трудно понять юродивых, что цель их жизни как будто ускользает от светского сознания? Унизить себя до состояния «сумасшедшего ради Христа» – ну что это за цель, в конце концов? А что – не-сумасшедших Христос не принимает? Разве нельзя быть ближе к Богу, не раздавая имущества, не живя на улице, не одеваясь в обноски, не питаясь чем попало?

Можно. И более того, жить в нормальных условиях и быть при этом с Богом – путь большинства. Но есть люди уникальные, редкие, особые, которые почувствовали в себе силы пойти дальше, потому что это труднее. А чем труднее, тем выше подвиг.

⁶ Ларше Ж.-К. Христа ради «сумасшедшие» // «Фома». № 6.

Нищего, грязного, странного, пугающего человека не любят лютые морозы. Но намного больше можно натерпеться от лютых людей, которые, мягко говоря, не очень-то добры к юродивым. И неслучайно, как говорит Жан-Клод Ларше, «путь юродства – самый радикальный: намного тяжелее оставаться смиренным, терпеливым и бесстрастным, когда тебя постоянно подвергают испытаниям. А еще тяжелее любить тех, кто тебя ненавидит»⁷. Это было главным «упражнением» юродивого – оставаться добрым пред лицом злых людей. С предельной ясностью об этом сказано в Евангелии: *Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас... Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда... И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете?* (Мф. 5: 44–47)

* * *

...Начать надо, как всегда, с малого – перестать осуждать самих этих бомжей. Перестать их презирать и шпынять. Не пинать ногами и не тушить о них окурки – в прямом и переносном смысле. Кому-то достаточно (и это, возможно, самое лучшее) просто не замечать их. Если способны на большее – дайте им хлеба. Дайте адрес нашего фонда или другого фонда, где таким людям помогают. Но сначала – повторюсь – не осуждайте бездомных. Тогда мы, обустроенные, может быть, сможем не осуждать друг друга.⁸
Доктор Лиза (Елизавета Глинка)

⁷ Ларше Ж.-К. Христа ради «сумасшедшие» // «Фома». № 6. 2012.

⁸ Глинка Е. Я всегда на стороне слабого // «Фома». № 6.

Собор новомучеников и исповедников Российских 7 февраля. Близкая святость

К началу XX века Русская Церковь была крупнейшей и самой многочисленной Поместной Православной Церковью в мире. Но уже к началу Второй мировой войны на всей территории СССР остались лишь четыре правящих архиерея и не более трехсот пятидесяти действующих храмов, в которых служили менее пятисот клириков. Церковь была почти уничтожена репрессиями двадцатых – тридцатых годов.

Но именно «почти». Выжить ей позволил подвиг новомучеников и исповедников Российских – людей, которые и стали объектами репрессий. Кажется парадоксальным утверждать, что люди, казненные за «связь» с Церковью, своей смертью эту самую Церковь сохранили. Как вообще смерть может что-либо сохранить? Формальная логика подсказывает: верующих уничтожали – значит, Церковь исчезала, разве не так? Новомученики сквозь десятилетия отвечают: не так. Конечно, Церковь становилась немощнее. Физически – да, исчезала. Но здесь главенствует не физическое.

Невозможно до конца уничтожить Церковь, не уничтожив в душах людей ее основателя – Христа. А это, как доказали новомученики вопреки формальной логике, невозможно. И доказали они это своей смертью. Ведь «мученик» в переводе с греческого – «свидетель»: не просто тот, кто умер мучительно, но тот, кого убивали за верность Христу и кто своей смертью эту верность засвидетельствовал.

Новомученики показали: земная жизнь – лишь тогда ценность, когда есть за что ее отдать. Им было за что. Их ценность выше жизни – Бог и вера в Него. Так парадоксально смерть иногда утверждает жизнь.

Примерно так же рассуждали и мученики первых веков христианства, которых истязали самыми изощренными способами и бросали ко львам только за отказ участвовать в римском религиозном культе. В XX веке, при советской власти, история повторилась – и наряду с древними мучениками в Церкви появились новые. Если бы люди массово отреклись, не было бы Церкви ни в I, ни в XX веке. Не потому что людей бы не хватило – Церковь может состоять и из трех человек. Просто грош цена той истине, от которой люди готовы массово отречься. Но тысячи и тысячи – не отреклись. И тем самым доказали, что их истина – на самом деле Истина. Именно это подразумевается в расхожем афоризме: «Кровь мучеников – семя Церкви».

Русская Православная Церковь Заграницей совершила прославление Собора новомучеников в 1981 году. В Московском Патриархате аналогичное прославление произошло в 1991 году. В 1992 году была установлена дата праздника – 7 февраля по новому стилю или в ближайшее за этим воскресенье, а ключевые решения приняты на юбилейном Архиерейском Соборе в 2000 году. Во-первых, помянуть святых новомучеников и исповедников поименно. Во-вторых, помянуть и почитать святыми даже тех пострадавших, чьи имена неизвестны. В-третьих, дополнять Собор новомучеников и исповедников Российских новыми именами по мере изучения архивных материалов о судьбах пострадавших – такая работа ведется с тех пор непрерывно. И на сегодняшний день Церковью поименно канонизированы уже более 1700 человек.

В этом смысле российские новомученики и исповедники – уникальный феномен сегодняшнего дня. От самого слова «мученик» веет стариной, чем-то из древних веков. И справедливо – например, большинство западных мучеников принадлежат именно той эпохе. Но новомученики Российские – дедушки и бабушки наших современников. В нашей стране есть семьи, в которых два-три поколения назад жил святой. Это даже не позавчерашний, а вчерашний день нашей истории. Мне кажется странным после этого называть нашу культуру «постхристианской». Мне кажется странным считать, будто подлинная вера была только у христиан первых веков, а в современной Церкви полностью выродилась в блеклое обрядоверие...

В Церкви сегодня (как и всегда) много проблем, но есть якорь – подвиг новомучеников, который не даст ей оторваться от главного. А через это своего рода прививку получает и все общество: меньше ста лет назад тысячи людей обладали такой духовной силой, какую трудно себе представить в современном человеке. Они могли отдать жизнь за то, что считали по-настоящему важным. Они не думали, что истина – относительна и у каждого своя. Личное благополучие не было для них главным критерием. Они не называли жизнь души после смерти иронично «чем-то метафизическим», они просто знали, что она – есть. Многие из них прозорливо говорили про советскую власть: «Это все временно». Своей верностью Церкви они предопределили ее возрождение. А через это и возрождение страны.

* * *

«Какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите словосочетание “Бутовский полигон”?» – такой опрос провел среди москвичей Исследовательский центр портала Superjob в 2008 году. То, что это одно из центральных в Москве мест массовых расстрелов тридцатых годов, знали только 19 % опрошенных.

Собор трех святителей – Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста 12 февраля. 1 = 3

Три святителя – Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст – настолько разные, что память их празднуют в один день. Различия лишь оттеняют общее в их мировоззрении. «В главном – единство, во второстепенном – свобода, во всем – любовь» – известный христианский афоризм. Святого Василия принято считать в первую очередь пастырем, святого Григория – молитвенником, святого Иоанна – в первую очередь проповедником. Это три грани одного и того же служения, и Церкви в любую эпоху нужны они все. Поверхность устойчива, как известно из геометрии, если стоит минимум на трех опорах. Не будет хватать одной из них – конструкция рухнет.

Историки отмечают в святом Василии Великом талант церковного организатора, в смысле – человека, который мыслит в категориях всей Церкви и судьбы христианской общины. А раз эта судьба напрямую зависит от того, как и во что христиане верят, то талант организатора неотделим от таланта богослова. При этом титула «Богослов» (именно так, с большой буквы) в церковной истории удостоился не сам Василий, а его ближайший друг – святой Григорий. Впрочем, Василий – не менее богослов, чем Григорий Богослов, а Григорий – святой не менее великий, чем Василий Великий. Только, в отличие от своего друга, Григорий был, скорее, созерцателем, а не организатором. Характер же святого Василия диктовал ему активно заниматься общецерковными делами и благотворительностью. Он осознанно шел к тому, чтобы стать священником, а затем и епископом. А вот святой Григорий епископом становиться не хотел, его привлекал путь уединенного монашества. Он писал стихи и даже сочинил поэтическую автобиографию – черта лирика, которому чужды административные заботы. Тем не менее таких забот ему хватило: стать епископом его уговорил святой Василий, которому нужны были союзники в богословской борьбе с ересями, а их в то время в Церкви было много. В борьбе святые друзья победили: Второй Вселенский Собор, прошедший в 381 году в Константинополе, утвердил учение святого Василия и святого Григория. Отныне их называют «отцами-каппадокийцами», потому что Василий Великий служил архиепископом в Кесарии Каппадокийской.

В историю Церкви они вошли тем, что разработали учение о Святой Троице. Догматов, которые много веков являются азами христианства, еще не существовало – их предстояло осмыслить, обосновать, а потом и утвердить, основательно поборовшись с идейными противниками за их правоту.

Дело в том, что в 325 году на Первом Вселенском Соборе в Никее был принят никейский Символ веры, в тексте которого употреблялось слово «единосущный»: «Верую... во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия. единосущна Отца.» Имелось в виду, что Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух – это три разные личности, но при этом одна сущность, то есть Единый Бог. Как это понять? Как один может равняться трем? Уже после принятия никейского Символа веры некоторые епископы вдруг засомневались: формулировка «единая сущность» казалась путаной, предлагали вроде бы более ясный термин – «подобная сущность».

Всего лишь вопрос формулировок – велика ли беда? Но от точности слов в данном случае зависит – ни много ни мало – то, в какую посмертную судьбу нам верить. Если Христос, Сын Божий, – не «единосущный» Богу Отцу, а всего лишь «подобосущный», значит, Христос – не Бог, а просто особый человек. А раз так, то Сын Божий не воплощался, не становился таким же, как мы, из плоти и крови, не умирал на Кресте и не воскресал, Бог не обожествлял и не

исцелял человеческую природу – словом, Бог не даровал человеку перспективу спасения после смерти. И в чем тогда смысл христианства?

Защитить идею «единосущия» было главной задачей отцов-каппадокийцев. Сделали они это при помощи учения Аристотеля – ведь весь образованный мир того времени принадлежал к эллинистической культуре, то есть был воспитан на классической греческой философии. Аристотель говорил, что сущности бывают двух видов: первая сущность, которую он называл «ипостасью», и вторая сущность. Реальны для Аристотеля только ипостаси – первосущности. Это конкретные, реальные объекты. У каждого из них есть вторая сущность – некое общее, абстрактное представление об этом объекте, о его роде. По Аристотелю, вторых сущностей в реальности нет – мы можем о них говорить, как-то их представлять, но своего бытия они не имеют. Отцы-каппадокийцы взяли эту систему за основу, но дополнили ее принципиально важным утверждением: вторая сущность – также реально существует, просто мы не можем постичь ее средствами нашего мира. Это подводило к мысли о потустороннем Боге: в реальности Его существования верующим сомневаться не приходится, Он мир сотворил, но Сам – не часть этого мира и существует вне наших времени и пространства. Каппадокийское богословие предложило формулу: Три Лица Святой Троицы, Отец, Сын и Святой Дух, это, в терминах Аристотеля, три ипостаси, три первосущности, у каждой из которых есть свое отдельное личное бытие. А вот вторая сущность у них – одна на всех: это и есть Единый Бог. Так один равняется трем.

Учение отцов-каппадокийцев, принятое в 381 году в Константинополе на Втором Вселенском Соборе, дополнило никейский Символ веры: отныне он стал называться никео-цареградским. Это те самые слова, которые сегодня звучат на Литургии в каждом православном храме.

* * *

Жители Константинополя долго сомневались, кто из трех великих вселенских учителей должен быть самым почитаемым – Василий Великий, Григорий Богослов или Иоанн Златоуст. По преданию, в 1084 году митрополиту Евхаитскому Иоанну во сне явились три святителя и сказали, что нет среди них первого, и велели установить общий день памяти. Так появился Собор трех святителей. *Кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою* (Мф. 20: 26).

Сретение Господне

15 февраля. Место Сретения изменить нельзя

Уже сама предыстория праздника Сретения Господня предлагает человеку выйти за рамки привычных и, казалось бы, естественных представлений о христианстве и увидеть нечто большее, чем предлагает человеческая логика.

В III веке до нашей эры царь Птолемей II заказал семидесяти двум мудрецам перевод Священного Писания с еврейского на греческий. Одним из мудрецов был старец Симеон. В Книге пророка Исаии он нашел удививший его отрывок: *Се Дева во чреве приимет и родит Сына* (Ис. 7: 14). Симеон засомневался в том, что дева может родить сына. И решил: наверное – ошибка, описка. Надо исправить «дева» на «жена». Но не успел Симеон взяться за перо, как Ангел остановил его руку и сказал, что старец не умрет, пока не увидит исполнение пророчества Исаии – то есть пока не встретит Деву, родившую Сына.

Спустя три века он ее встретил. На сороковой день после рождения Младенца Иисуса Пресвятая Дева Мария, согласно иудейскому обычаю, принесла сына в Иерусалимский храм. В это же время в храм пришел и глубокий старец Симеон. Что привело его сюда именно в тот момент? На светском языке – «шестое чувство», на христианском – веление свыше. Старец понял: вот оно – перед ним Дева, родившая Сына. Но не просто сына, а Спасителя. Симеон взял Младенца на руки и произнес: *Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыка, по слову Твоему с миром, ибо видели очи мои спасение Твое* (Лк. 2: 29–30). Теперь глубокий старик готов был умереть – Господь отпускал его, потому что встреча, до которой старцу Симеону было заповедано дожить, состоялась. Встреча – так переводится на современный русский язык слово «сретение».

Символизм встречи можно трактовать по-разному. Хорошо известно высказывание Феофана Затворника: «В лице Симеона весь Ветхий Завет, неискупленное человечество, с миром отходит в вечность, уступая место христианству...» Но кроме богословского, есть и человеческое измерение этого события.

Вера в Бога не возникает иначе, как по закону этой самой встречи. Слово «встреча» – едва ли не центральное понятие, объясняющее сам феномен веры, едва ли не самый точный ответ на вопрос: «Почему я верю в Бога?» Потому что я Его встретил. Я испытал, каково это – чувствовать, осознавать и понимать, что прямо здесь и сейчас Господь перед тобой. Он – есть. Это опыт, данный в ощущениях. Его ни с чем не спутаешь и, переживая его, даже не помыслишь в нем усомниться. Расхожий афоризм «Религию невозможно придумать» – как раз об этом. Религиозный опыт можно только пережить. Едва ли кто-то поверит в некоего потустороннего Бога-Личность просто так – как в таблицу Менделеева, число «пи» или закон Ома. Попробуйте предложить мне такую же умозрительно сконструированную идею Бога – отмахнусь. Неубедительно. И только собственный религиозный опыт убедит. Но тут же станет понятно, что ты не переживаешь этот опыт один, сам по себе, усилием собственной воли, мысли или чувства. Нет, ты переживешь встречу – с Кем-то еще.

Такая встреча – водораздел между верой и обрядоверием. Она не обязательно происходит в храме – в здании: апостола Павла Господь, например, «настиг» на дороге в Дамаск. Но встреча неизбежно приводит человека в Церковь – в широком смысле слова: в духовное, смысловое и ценностное единство людей, сформированное Евангелием и апостольской проповедью. Вспоминается еще один церковный афоризм: «После встречи со Христом человек, возможно, и не меняет моментально всю свою жизнь, но он уже не сможет дальше жить так, будто этой встречи в его жизни не было». Бог и человек находят друг друга в Церкви. В этом смысле место встречи и вправду изменить нельзя.

* * *

Примеров преображения в мирской жизни ничтожно мало; в жизни церковной – великое множество. И именно поэтому место преображающей нас встречи с Богом, как говорится, «изменить нельзя», да просто глупо пытаться менять. И тот, кого томит отсутствие смысла, кто не может дольше жить одним слепым недоверием, кто видит в своих отношениях с другими людьми «непреодолимую» испорченность, запутанность и вражду, – пусть войдет к Богу, в Церковь. Войдет, оставив азартный поиск дурного, и будет просить для себя у Бога только смиренного понимания и раскаяния в собственных грехах, помощи в укреплении веры и добрых духовных учителей...⁹

Владимир Гурболиков

⁹ Гурболиков В. Эра недоверия, или Место встречи изменить нельзя // «Фома». № 1. 1996.

Иверская икона Божией Матери

25 февраля. Картонка размером с открытку

Это история личного знакомства с Иверской иконой Божией Матери.

Париж влюблял в себя непонятно чем... Да, бульвары, да, кофе с круассанами, да, шансонье – и что? Даже то, что я (в то время студент третьего курса) с упоением учил французский, ничего не объясняло. И все же город меня очаровывал. На этих улицах я наслаждался чем-то «хемингуэевским».

Но моя «очарованность» не давала мне покоя. Ведь я православный. Я уже целый год хожу в церковь. Пора наконец отбросить всю эту поверхностную романтику и перестать восхищаться уютными кафе и прекрасными набережными.

За деревянным столиком кафе на площади Вогезов мы пили кофе с тетей Викой, маминей подругой, которая десять лет назад вышла замуж за француза и переехала в Париж. Тетя Вика спросила, во сколько я завтра улетаю домой. Я достал из сумки конверт, где лежали билет и загранпаспорт, уточнил время вылета. Мы еще немного поболтали и затем распрощались.

В последний день своей поездки в Париж я – «как настоящий православный» – решил побывать в храме Трех Святителей, подворье Московского Патриархата на улице Петель. Церковь оказалась одноэтажным квадратным домом, «сжатый» двумя соседними, но внутри располагался полноценный храм.

Была середина дня, дверь храма заперта. Я постучался. Открыла бабушка. Впустила, напоила чаем. А потом провела экскурсию по храму и рассказала о большой иконе, которая висела на стене. Это была Иверская икона Божией Матери. На прощание бабушка подарила мне бумажную копию иконы – картонку размером с открытку. Причем подарила причудливым образом: сначала приложила картонку к большой Иверской иконе, немного подержала и только потом отдала.

Я вышел из храма. Обыкновенная парижская улица страшно меня удивила. Почему-то мне показалось, что я только что провел полчаса в совершенно другом мире. Он остался там – за дверью церкви. В храме я совершенно забыл о том, что нахожусь в «самом романтичном городе Европы»... Париж снова задышал мне в лицо, но ничего «хемингуэевского» в нем уже не было. Город, просто город.

...Впрочем, моя «очарованность» Парижем скоро вернулась. Я зашагал по набережным, смакуя свои последние парижские сутки и упиваясь французской речью, которая звучала повсюду. Привычно опустил руку в сумку, чтобы проверить – на всякий случай, – на месте ли конверт с паспортом и билетом.

Конверт исчез.

Париж – так мне в тот момент показалось – замер вместе со мной. Украли? Потерял? Где-то забыл? В голове мгновенно сложилась картина дальнейших событий. Российское консульство. Срыв всех планов в Москве. Придется задержаться. А где ночевать? А сколько у меня денег? И куда – ну куда? – мог деться конверт?

Стоп! Я доставал конверт в кафе на площади Вогезов. Может, он там?

Но как туда добраться? Я уже далеко от него. Я всего третий день в Париже и вообще в нем не ориентируюсь. Хотя и упиваюсь до самозабвения. И правда – какое-то забвение. Это же надо – забыть паспорт и билет! И даже если я забыл на столике конверт, его там уже давно нет. Кто-нибудь нашел и забрал. Наверняка. Людное место, полно туристов. Шансов, что мой конверт еще можно найти, – один из тысячи. Нет, из миллиона... Срочно позвонить тете Вике. Пусть она позвонит в это кафе. Я даже не помню, как оно называется. Она должна помнить. Она знает, она же давно тут живет.

Но как только я достал телефон, он тут же попрощался со мной, объявив, что батарейка села.

Я помчался в гостиницу – единственное место в городе, до которого я уж точно мог добраться, не заблудившись. Я взлетел по лестнице в свой номер. Трясущимися руками с третьего раза попал вилкой в розетку. Подключил телефон. Напугал тетю Вику. Она велела мне ждать ее звонка.

Конверт нашли! Я и вправду забыл его на столике в кафе на площади Вогезов. Официанты его сохранили. Когда я приехал за конвертом, они добродушно надо мной посмеялись. В тот момент у меня промелькнула мысль: не стоило так переживать, ведь любой нормальный официант в цивилизованном городе поступил бы так же. Впрочем, легко так думать, когда «опасность» уже миновала.

Я позвонил тете Вике.

– Тебе теперь нужно в церкви свечку поставить, что все хорошо разрешилось, – сказала она.

Церковь, свечка. Свечку-то я поставлю, но при чем здесь Церковь? Просто надо быть внимательнее.

Вернувшись в гостиницу, я с чувством усталости и облегчения швырнул сумку на кровать. Все содержимое высыпалось. Один предмет привлек мое внимание – я совсем про него забыл: поверх всего лежала картонка размером с открытку – Иверская икона Божией Матери. Я покрутил ее в руках и поставил на стол. Собрался куда-то выйти, но почему-то вернулся и еще раз на нее посмотрел. А потом. Сам не знаю, что произошло. Я упал на колени. Буквально рухнул. И начал молиться. Молиться так, как никогда до этого. Я никогда раньше не испытывал так остро чувство благодарности. И никогда не осознавал так остро собственной неблагодарности. По отношению к Тому, Кто меня уберег. По отношению к Тому, Кому тетя Вика говорила поставить свечку. До сих пор я не верил «православным сказкам» о чудесах, которые творят иконы Богородицы.

А Париж до сих пор влюбляет в себя непонятно чем. Но сейчас я не чувствую в этом противоречия с православной верой. Вера – больше любой романтики. И глупо их противопоставлять. Вера – та же самая и в Париже на улице Петель, и в моей московской квартире, где рядом с иконами стоит картонка размером с открытку. Вера – это праздник, который всегда с тобой.

* * *

География – слабое средство против того, что тебя гложет. От себя нельзя убежать...

Эрнест Хемингуэй

Святитель Алексей Московский

25 февраля. Собиратель страны

Почему церковные лидеры поддерживают правителей государства? Отчего не поднимают людей на борьбу? По этим вопросам сегодня ломаются копья. Но еще в XIV веке святитель Алексей Московский, глава Русской Православной Церкви с 1354 по 1378 год, предложил свои ответы на эти вопросы.

Он был сыном влиятельного боярина при дворе великого князя Московского, получил блестящее образование. Но в двадцать лет решил, что по стопам отца не пойдет, и принял монашеский постриг. Богоявленский монастырь, в братию которого вступил будущий святитель, находился здесь же, в Москве. Жизнь в обители великую строгую и аскетичную.

Помните, в бестселлере последних лет – книге архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» – красочно описано, как выпускники престижных московских вузов, приехав в монастырь, получали далеко не интеллектуальные послушания – например, чистить коровники и отхожие места? Похожую школу смирения, надо полагать, прошел в своем монастыре и святитель Алексей. Длилось это двадцать лет. Потом ревностному и образованному монаху поручили заведовать ведением судебных дел Церкви – стареющему митрополиту Феогносту понадобился надежный и честный помощник в таком деликатном деле. Вскоре будущего святителя возводят в сан епископа, а еще через некоторое время Патриарх Константинопольский Филофей утверждает епископа Алексея митрополитом Московским, главой Русской Церкви.

Он был собирателем страны – и этим, вероятно, вошел в историю. Митрополит Алексей стал фактически наставником маленького московского князя Дмитрия (будущего Донского). И его защитником. А защищать было от кого. Продолжалось время распрей между русскими князьями. Да, Москва уже начала возвышаться, но положение московского князя было более чем шатким, а задача убедить других князей объединиться, признав над собой власть Москвы, была более чем трудной. Но святитель понимал, что сделать это необходимо по причине военно-политической: только общими скоординированными усилиями можно покончить с татаро-монгольским игом. Но была, что важнее, и причина духовная: единство православного народа. В этом смысле деяния святителя Алексея – пример подлинно христианского понимания того, что такое общество. Это общие ценности и общая ответственность за будущее, братство – то, что на самом деле называется солидарностью. Поэтому Церковь – как в XIV веке, так и сегодня – стремится создавать условия для объединения людей. Или хотя бы не провоцировать разобщенность. Поэтому церковные лидеры, помимо понятной вежливости по отношению к власти, не занимают ни ту, ни другую сторону в политической борьбе. Церковь примиряет.

Это осознавал святитель Алексей. Он пытался примирить между собой русских князей – при его участии заключались договоры. Его духовный авторитет придавал значимости и самому московскому князю. Ведь наличие единого правителя – важнейшее (хотя и не исключительное) условие единства народа. Поэтому церковный лидер готов признавать ту или иную власть – но не за ее конкретные политические качества. Он, по большому счету, может признать почти любого законного правителя (за исключением богоборческого или человеконенавистнического) просто как «технического руководителя», компромиссную фигуру, гаранта мира и согласия. Как того, чье свержение грозило бы братоубийственной гражданской войной.

Усилия митрополита Алексея не прошли даром. К концу XIV века большинство русских княжеств сплотилось вокруг Москвы. Благодаря этому в 1380 году стала возможна победа в Куликовской битве. Неслучайно святителя Алексея называют отцом этой битвы: ведь именно он воспитал князя Дмитрия Донского.

Любопытная вещь: святитель Алексей Московский является небесным покровителем Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. И если первого можно назвать собирателем страны, то второго – собирателем Церкви. Когда в 1991 году рухнул Советский Союз, распасться на несколько мелких Церквей могла и Русская Церковь – на Украинскую, Белорусскую, Казахстанскую, Финскую, Прибалтийскую, какую-нибудь еще... Но усилиями Патриарха Алексия II Русская Православная Церковь осталась единственным общественным институтом на всем пространстве СНГ, который сохранил целостность. Потому что Церковь – как при святителе Алексии Московском, так и при Патриархе Алексии II – всегда за единство народа, за солидарность людей. Не против суверенитета государств, не против политических границ. Но – за духовное братство. То самое, которое «поверх барьеров».

* * *

Выше закона может быть только любовь, выше правды лишь милость,
выше справедливости лишь прощение.
Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

Священномученик Гермоген, Патриарх Московский и всея Руси 2 марта. Такое суровое христианство

«В зале на стене я увидел любопытную картину. Герой – некий патриарх – умирал в тюрьме. Видно было, что действие происходит не в XX веке. Я спросил у дьякона, который меня сопровождал, что это за сюжет и почему патриарх умирает. „Поляки замучили“, – ответил он мне. Позже я поговорил об этом событии с тремя польскими профессорами истории, и все трое сказали: „К сожалению, это правда“. Но в польских школах об этом не рассказывают. И так везде: ни одна страна не хочет знать, что она когда-то кому-то навредила...»¹⁰

Эти слова звучали бы претенциозно, если бы тот, кто их произнес (а это был кинорежиссер Кшиштоф Занусси) сам не был поляком.

Речь идет о Патриархе Гермогене, ключевой фигуре в противостоянии польско-литовским интервентам в начале XVII века, в эпоху Смутного времени. Захватчики заточили его в подземелье Чудова монастыря, где 17 февраля 1612 года он мученически скончался, не дожив нескольких месяцев до конца Смуты.

А закончилась Смута во многом благодаря усилиям святителя Гермогена. Он категорически не принял Лжедмитрия I как мнимого наследника престола и готов был поддержать польского королевича Владислава как нового русского царя, но при одном условии – если тот перейдет в Православие. Владислав отказался, впрочем, и царем не стал.

Патриарх Гермоген поддержал воцарение Василия Шуйского. Известно, что личность этого боярина была сомнительной (историк В. О. Ключевский называл его «человеком неглупым, но более хитрым, чем умным, донельзя изолгавшимся и изынтриганившимся»). Тем не менее святитель Гермоген, прекрасно все понимающий, призвал народ подчиняться новому правителю просто как компромиссной фигуре, само существование которой ускорило бы конец междоусобия. Ведь Смута была не только политической проблемой, она напрямую била по жизни простого народа: не только поляки опустошали русские города – сами местные мужики, измученные голодом и бедностью, от безысходности собирались в разбойничьи банды и пускались в грабежи. На этом фоне восстановить законную власть в стране значило уберечь жизни и души людей. А это для Патриарха Гермогена как для пастыря было самым главным.

С декабря 1610 года он, находясь в заключении, рассылал по городам грамоты с призывом к борьбе с польской интервенцией. Именно по его благословению возникло народное ополчение Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, освободившее Москву и в итоге положившее конец Смуте.

В мае 2013 года в самом центре Москвы, в Александровском саду, открыли памятник священномученику Гермогену, Патриарху Московскому и всея Руси. В отличие от картины, которую видел пан Кшиштоф Занусси и на которой Патриарх изображен страдающим в заключении, этот памятник – воплощение силы святителя. Суровый и пронизывающий взгляд. Высокая могучая фигура. В правой руке поднятый вверх крест – решительный жест, не оставляющий сомнений в том, что дело, которое он благословляет, – правое. В левой руке – посох, который святитель крепко упирает в землю.

Такой памятник – своего рода отповедь тем, кто привык ассоциировать христианство исключительно с чем-то елейным, благодетным и мягким. Оказывается, христианский святой может быть и суровым, и принципиальным. И дело не только в историческом финале Смутного времени и не в том, что едва ли не единственной политической фигурой, готовой всерьез

¹⁰ «Толерантность невозможна без любви.»: Беседа с Кшиштофом Занусси // «Фома». № 5. 2006.

побороться за будущее страны, оказалось лицо духовное. Внимательно прочитав Евангелие, можно удивиться тому, что Сам Христос – не только добр и милосерден, но и всегда принципиален, а во многих вопросах – вовсе суров. Достаточно вспомнить изгнание торговцев из храма (см.: Мф. 21: 12–13) или проклятие бесплодной смоковницы (см.: Мф. 21: 18–19). Но даже это – суровость внешних поступков. Главная же суровость Христа – в принципиальности Его проповеди: грех должен быть назван грехом, компромиссы с совестью недопустимы, какой бы неудобной эта недопустимость кому-то ни казалась. Отсюда – обличение мытарей и фарисеев (см.: Мф. 23: 13–39). И отсюда же знаменитые слова: *Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч* (Мф. 10: 34). Принципиальная позиция потому и принципиальна, что резко отсекает правду от неправды. И вбивает клин между теми, кто этой правде подчиняется, и теми, кто хочет правду подчинить себе.

Таковыми же, вероятно, были принципиальность и суровость священномученика Гермогена, Патриарха Московского и всея Руси.

* * *

Этот проект оказался длиною в век. Прошение об установке на Красной площади памятника Патриарху Гермогену поступило в Святейший Синод еще в 1910 году.

В 1913 году – ровно через триста лет со дня мученической кончины – Патриарх Гермоген был причислен к лику святых. По всей стране начали собирать деньги на сооружение монумента. Но революция внесла свои серьезные коррективы. Памятник появился в центре Москвы только в 2013 году – ровно через сто лет после канонизации.

Преподобный Серафим Вырицкий

3 апреля. Тяжело богатому...

О монашестве он мечтал с самого детства, но в братию Александро-Невской Лавры в Петрограде вступил только в возрасте пятидесяти четырех лет – в 1920 году. Эта маленькая деталь очень много говорит о личности преподобного Серафима Вырицкого¹¹.

Вообразите себе, что у вас есть заветная мечта. И кто-то мудрый, кому вы безусловно доверяете, говорит вам: она исполнится – только позже, через несколько десятилетий. Так произошло с преподобным Серафимом.

Когда ему было четырнадцать, он рассказал одному из старцев Александро-Невской Лавры о своем желании быть монахом и получил ответ: «Тебе суждено еще пройти путь мирской, тернистый, со многими скорбями. Соверши же его перед Богом и совестью. Придет время, и Господь вознаградит тебя...» Будущий преподобный Серафим, а тогда еще просто Вася Муравьев, смиренно пошел мирским путем – и добился немалого успеха. В четырнадцать лет он стал работать в Санкт-Петербурге, в одной из лавок Гостиного двора, рассыльным, почти все заработанное отсылал больной матери на родину, в деревню в Ярославской губернии. Начальник видел, что юноша талантлив и умен.

В шестнадцать лет его повысили до приказчика, через год – до старшего приказчика. Случай небывалый: обычно до старших приказчиков дослуживались лет десять. В двадцать шесть он уже открыл собственное дело – занялся торговлей мехом. Значительную часть товара экспортировал в Германию, Австро-Венгрию, Великобританию и Францию. Постепенно будущий преподобный Серафим стал состоятельным купцом второй гильдии – судьба, о которой многие его деревенские сверстники могли только мечтать.

И вот что удивительно: такой путь требовал необычайной воли к труду, затрат времени, сил и умений. И человек трудился на износ, понимая, что все это – лишь подготовка к тому моменту, когда он оставит свое дело ради монашества...

Что им двигало? Вероятно, не в последнюю очередь честность и порядочность: взялся за дело, так и выполняй его на сто процентов. Но можно предположить, что такое отношение к мирской жизни в ожидании монашества – частный случай христианского отношения к жизни вообще. Ведь с точки зрения христианства и земная жизнь человека – тоже «всего лишь» временное состояние, тоже «всего лишь» подготовка к жизни вечной. «Всего лишь» – именно в кавычках, потому что земная жизнь напрямую определяет, что с человеком будет после смерти. В этом смысле «временное» не означает «не важное». Что и доказал всей домонашеской жизнью преподобный Серафим.

Его жизнь – своего рода этюд на тему евангельского: *Трудно богатому войти в Царство Небесное... Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие* (Мф. 19: 23–24). Образ православного святого привычно ассоциировать с нестяжательством, а еще лучше – с нищетой. Но оказывается, святости удостаиваются и богатые люди. Об этом свидетельствует не только официальное церковное прославление (преподобный Серафим канонизирован в 2000 году), но и простое народное почитание еще при жизни и вплоть до самой кончины в 1949 году. Через шесть лет после поступления в Александро-Невскую Лавру братия избрала преподобного Серафима духовником обители, а значит, он по умолчанию становился духовником всех епископов тогдашней Петроградской и Новгородской епархии, в том числе и архиепископа Алексия (Симанского), будущего Патриарха Алексия I. Великая честь и великая ответственность. Позже из-за болезни сердца и легких преподобного Серафима уго-

¹¹ Серафим Вырицкий (в миру Василий Николаевич Муравьев; 1866–1949). Русский купец; святой Русской Православной Церкви, прославленный в 2000 году в лике Собора новомучеников и исповедников Российских.

ворили уехать в поселок Вырица¹², в зеленую зону. С тех пор тысячи посетителей «осаждали» церковь Казанской Божией Матери в Вырице. После смерти преподобного Серафима людской поток к его гробу не иссякал три дня.

Жизненный путь преподобного Серафима Вырицкого – не только пример того, что богатый может стать святым, но и ответ на вопрос: «Как?..»

На мой взгляд, дело в том, что купец второй гильдии, крупный торговец мехом, относился к деньгам ровно так же, как в свое время маленький четырнадцатилетний рассыльный одной из лавок Гостиного двора. Мальчик, напомним, почти все отсылал матери. А крупный торговец мехом почти все использовал на помощь бедным и, как сейчас бы сказали, на благотворительные проекты. Деньги были для него средством помощи Церкви – ни больше ни меньше. В семье будущего святого существовала традиция: в дни крупных церковных праздников после Литургии обильно накрывать столы и приглашать на трапезу неимущих. На пожертвования купца существовали несколько богаделен. В его доме находили приют больные из казенных больниц, которым нужен был особый уход.

Чего стоило преподобному Серафиму расстаться со своим финансовым успехом при поступлении в монастырь и принятии монашеских обетов? Можно сказать, что ему это не стоило ничего: расставание было желанным. Богатому трудно войти в Царство Небесное – трудно, но возможно. Оказывается, все, как всегда, зависит от человека.

* * *

Я очень удивился, попав к отцу N. домой – в трехкомнатную квартиру в новой многоэтажке. Оказалось, что квартира – это подарок богатого прихожанина, который узнал, что батюшка живет с четырьмя детьми, матушкой и ее родителями в двухкомнатной квартире за городом и до своего храма едет полтора часа на общественном транспорте.

Сразу же заметил, что мыло в ванной контрастировало с хорошо отремонтированной квартирой. Это было самое обыкновенное дешевое мыло. Видимо, на мыло – как и на весь остальной быт – отец N. вынужден тратить сам.

¹² Находится в Гатчинском районе Ленинградской области.

Благовещение Пресвятой Богородицы 7 апреля. Главная новость

Что произошло в сионской горнице ровно за девять месяцев до Рождества Христова? По Евангелию от Луки, Деве Марии явился Ангел и сказал: *Зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего... и Царству Его не будет конца* (Лк. 1: 31–33). Привычный сюжет, тысячи раз он становился темой художественных полотен и литературных произведений. Он как будто покрыт музейной пылью. Но если пыль сдуть и посмотреть на него как на историю обычного человека – юной девушки Марии, на свет выступит небывалое по напряженности событие.

К ней, глубоко верующей благочестивой иудейке, является Ангел и провозглашает такое... Для девушки, должно быть, нет сомнений, что с ней говорит Божий посланник и все услышанное – от Бога. И все же: трудно представить, но постарайтесь вообразить, что бы испытали в такой ситуации лично вы? Вот и Мария в смятении – настолько, что Ангел вынужден успокаивать ее: «Не бойся, Мария, Ты обрела благодать у Бога.» Но что значило в иудейском обществе того времени родить ребенка не от мужа? Вполне возможно – быть побитой камнями, как прелюбодейка. Это, кстати, понимал и праведный Иосиф, обручник Марии: узнав обо всем, он милосердно собирался не обличать, а просто отпустить Пресвятую Деву, но и ему явился Ангел, сказав смириться, потому что Тот, Кого Она родит, – от Бога. Мария задает Ангелу тревожный вопрос: «Как будет это, когда Я мужа не знаю?» Ангел объясняет: «Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя». Тут снова стоит остановиться и вдуматься: что могла почувствовать юная девушка, услышав такое... Как это понять?! Как это принять?! Как это вместить?! Что теперь делать?! И вот именно тут звучат принципиально важные слова – Дева Мария смиренно соглашается: *Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему* (Лк. 1: 26–38).

Могла бы Дева Мария, грубо говоря, «отказаться»? Наверное, могла. Мог бы Бог исполнить Свой замысел насильственно – не спрашивая согласия Марии? Да, для Него нет ничего невозможного. Но Бог этого не делает, что имеет колоссальное значение: Он сотворил человека свободным и теперь всегда и во всем ждет от Своего творения только его доброй воли.

Византийский святой Николай Кавасила¹³ писал: «Воплощение было не только делом Отца, Его Силы и Его Духа, но также делом воли и веры Пресвятой Девы. Без согласия Непорочной, без содействия Ее веры этот план остался бы неосуществленным.»

Какой план? Говоря христианским языком, план по спасению человечества: Непорочная Дева должна родить Спасителя. Но Бог не может спасти человека против желания самого человека. От меня нужен хотя бы шаг навстречу Богу. В раю Адам и Ева, сотворенные свободными людьми, добровольно от Бога отворачиваются: выбирают зло – нарушают заповедь и вкушают плод с древа познания, и Господь изгоняет первых людей из Эдема. Так начинается история нашего мира, который отныне – после грехопадения – считается падшим. Несколько тысячелетий спустя юная девушка Мария – точно так же, добровольно и свободно, – выбирает добро, Бога и смирение перед Ним. И начинается новая история падшего мира – история его исцеления через приход Богочеловека Иисуса Христа.

Праздник Благовещения раскрывает, на чем строятся в христианстве отношения человека и Бога. А именно, какого образа мыслей и поступков Бог от меня ждет. Первый момент – как видно – добровольность, твердое желание следовать за Богом. Как гласит известная посло-

¹³ Николай Кавасила Хамает (1322–1397/1398) – православный богослов и литургист, ученый-энциклопедист, философ, писатель.

вица, «невольник – не богомольник». Смирение перед Богом не может быть ничем иным, кроме как актом свободного выбора.

И вот тут возникает второй момент. Что такое смирение, подсказывает само название праздника – Благовещение: Дева Мария приняла волю Божию о себе как *благую весть*. Не от бессилия покорилась, стиснув зубы и сжав кулаки: «Ну хорошо, будь по-Твоему», но увидела в воле Божией величайшую радость. А это в каком-то смысле и есть смирение – радоваться, когда чувствуешь, что мою маленькую человеческую волю превосходит воля Бога, Которому виднее: я-то знаю только то, что вижу здесь и сейчас, а Он знает и видит всю мою жизнь в перспективе.

Все это дает верующему человеку ощущение ни с чем не сравнимой свободы – и духовной, и физической. Прямо как у белых голубей, которых принято на Благовещение освобождать – отпускать в небо.

* * *

Оказывается, тема Благовещения Пресвятой Богородицы – одна из центральных в трилогии Джона Толкина «Властелин колец». Исследователи-толкинисты выяснили по письмам автора, что, завершив работу над книгой, он еще три месяца ее переписывал – ради одной-единственной детали: даты, когда кольцо всевластия, мировое зло, уничтожается. Эта дата – 25 марта, праздник Благовещения по григорианскому календарю. Или 7 апреля по юлианскому.

Блаженная Матрона Московская

2 мая. Матушка

Гигантские очереди к мощам святой Матроны Московской в Покровском монастыре на Таганке – своего рода символ народной религиозности постсоветской эпохи. Матрона родилась в 1881 году, скончалась в 1952-м. Ее канонизировали как местночтимую (только московскую) святую достаточно скоро – уже в 1999 году, а в 2004-м состоялась общецерковная канонизация. Сегодня даже нецерковные люди фразу «я православный» подкрепляют мощным, как им кажется, свидетельством: «Я и к святой Матроне часто езжу, и, знаете, такую каждый раз благодарить чувствую...» В многочасовой очереди с цветами и записками стоят очень разные люди. Есть те, кто суеверно пришел попросить «сбычи мечт» у «целительницы». Есть те, кто делает первые шаги в вере и начинает со знакомства с самой известной московской святой. Есть и опытные христиане, которые почитают святую Матрону в духе церковной традиции, знают, что такое молитва святому и молитва святого, и с этим знанием идут обратиться не просто к матушке Матроне, а к Богу через Его подвижницу.

Слово «подвижница» образовано от слова «подвиг». Матрона была инвалидом: родилась слепой, а в семнадцать лет внезапно отказали ноги. Подвиг ее заключался, должно быть, в том, чтобы физические испытания не пошатнули ее веру в справедливого и любящего Бога. Более того, они эту веру только укрепили. И физическая немощ обернулась духовной силой.

Как такое происходит? Наверное, постичь это явление сможет только тот, кто оказывался в той же ситуации. Но можно сделать осторожное предположение: когда внешний мир по каким-то причинам оказался недоступен, единственное утешение душа нашла в Том, Кто к этому внешнему миру не сводится, Кто Сам по Себе – больше этого внешнего мира. И тогда все усилия души, которых много даже у калеки, были направлены не на земные радости, а на общение с Богом. И тут человек, должно быть, чувствовал, что даже в такой жизни – когда глаза от рождения слепы, а ноги не ходят – есть смысл, потому что у Бога о каждом человеке особое попечение. Говорят, когда мама жалела маленькую слепую Матрену, девочка отвечала: «Я-то несчастная? У тебя Ваня несчастный да Миша». Это были братья, физически вполне здоровые. Говорят, что позднее они вступили в коммунистическую партию и стали сельскими активистами. А слепая девочка Матрена верила, что у нее все хорошо. На такую веру Бог щедро отвечал – особыми духовными дарами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.